

АЛЯ КБЮТ

ТАЙНЫ

и ложь

18+

Аля Кьют

Тайны и ложь

«Автор»

2024

Кьют А.

Тайны и ложь / А. Кьют — «Автор», 2024

После смерти мужа я узнала, что у него была вторая семья. Любовницей оказалась секретарша. Банально до безобразия. Она родила ему двоих детей, и мой покойный благоверный, оказывается, оставил им наше общее дело. Даже это я смогла бы пережить. Но на оглашение завещания явился младший брат моего мужа. Ему тоже теперь принадлежит часть бизнеса, который я создавала все эти годы. Мы не виделись пять лет. Ждать от Мирона помощи точно не стоит. Но только он ее и предлагает.

© Кьют А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Наташа	5
Глава 2. Друг в беде не бросит	9
Глава 3. Завещание	14
Глава 4. Слабость и скорбь	18
Глава 5. Подарки судьбы	22
Глава 6. Прием	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Аля Кьют

Тайны и ложь

Глава 1. Наташа

– Наташа?

Я подняла глаза на секретаря, которая вошла в мой кабинет очень тихо. Без предупреждения, без стука.

Возможно, я слишком глубоко погрузилась в мысли, раз не услышала даже её шагов.

– Как вы, Кристина Дмитриевна? Не думала, что вы сразу выйдете на работу.

Ее тон был лишен всякого участия. Мне показалась, она была напряжена, даже зла.

Я потеряла лоб, моргнула.

Наташа улыбнулась мне, как обычно.

Черт, я совсем схожу с ума.

– А что мне остаётся? – сказала я, пожав плечами. – Дела сами собой не рассосутся. Ты что-то хотела?

Наташа переступила с ноги на ногу и вздернула нос.

– Хотела сказать, что скоро вам не придётся столько работать, Кристина Дмитриевна.

Я усмехнулась.

– Вряд ли. Я не найду замену Степану.

Наташа прищурилась, и теперь я была уверена, что она злится. Только на кого?

– Замену Степану нельзя найти, но я с удовольствием заменю вас.

Я замерла не веря своим ушам.

– Что ты такое говоришь, Наташа?

– Что слышала, – смелее и громче продолжила Наташа, переходя на «ты». – Нужно было пройти через ад, чтобы сказать тебе все в лицо.

– Что сказать?

– Это все теперь мое, Кристиночка.

Наташа развела руками, как злодей из фильма. Она вряд ли имела в виду завоевание мира. Скорее всего – галерею.

– Вернее, наше, – поправилась Наташа. – Галерея перейдёт по наследству мне и моим сыновьям.

Я чуть не рассмеялась ей в лицо. Сдержалась только, чтобы не провоцировать. Мало ли какие шарики заехали за ролики у секретаря моего покойного мужа. Он с ней работал, а не я. Черт знает, что она за человек.

Зато Наташа не постеснялась перейти к оскорблениям.

– Очнись, курица. Ты до сих пор не поняла? Степа жил со мной. У нас двое детей. Он не разводился с тобой из жалости. Держал тебя тут как наемного работника. Но по завещанию все достанется его настоящей семье. И дом, и галерея, и деньги, и картины. Поняла меня, дура?

– Наташ, ты здорова?

Я не верила ни одному её слову. Какая семья? Какие дети? Что за бред?

– Я здорова, а ты подумай, где будешь работать. Я тебя тут терпеть не собираюсь за такие деньги. Я не Степа. У меня не такое большое и доброе сердце.

Наташа бросила мне на стол листок.

– Вот, по собственному. Увидимся на оглашении завещания. Хотя, – она скривила губы, – может, тебя туда и не позовут. Не удивлюсь, если он тебе ни копейки не оставил.

Я схватила её заявление, как утопающий соломинку. Но ничего спасительного не нашла. От шока я смогла только крикнуть в спину бывшей секретарши:

– Наташа, как ты можешь? Я только вчера похоронила мужа.

Она развернулась и широкими шагами пересекла кабинет до моего стола.

– Как я могу? – Наташа хлопнула ладонями по столешнице. – А вот так и могу, Кристиночка Дмитриевна. Включи голову и прими уже: не ты, а я вчера мужа хоронила. Меня он любил, а тебя терпел. Я ради Степы не стала тебе говорить до похорон. Он бы не хотел скандала. Наши дети с ним даже не попрощались. Так что не смей мне ничего говорить.

Наташа орала на меня через стол, брызгая слюнями.

– Это моего мужчину вчера закопали, а я не могла даже коснуться его на прощание. Все сраные соболезнования получила ты! Ты, сука, которая его не любила! Которая и слезинки не проронила!

Я думала, она вцепится мне в горло. Наташа скалилась и рычала, как хищница. Я инстинктивно закрыла шею ладонью и приготовилась защищаться от её слепой ярости и отчаяния.

Но она так же внезапно расплакалась, как взбесилась.

– Ты и сейчас холодная, невозмутимая, – всхлипнула Наташа. – Он изменял тебе. Я собиралась сделать аборт, но Степа запретил. Он хотел от меня детей. Обоих. Хотел, Кристина, слышишь?

Я молчала, запрещая себе кусать губы. Мне казалось, что любую мою слабость Наташа воспримет как сигнал к убийству.

– Ты слышала, что я сказала? – заорала она. – Я спала со Стёпой. Я жила с ним. У нас дети, Кристина! Ничего не скажешь на это?

Я не сказала.

– Он врал тебе. Когда ты уезжала, он был со мной. Ты понимаешь?

Я едва заметно кивнула.

– И после этого не заплачешь? – она окончательно разрыдалась сама.

Я встала и дотянулась до коробки с бумажными салфетками, подтолкнула ей. Наташа выдрала платки, шумно высморкалась, продолжая на меня орать.

– Каменная стерва. Ненавижу тебя. Ненавижу, слышишь? Я все сделаю, чтобы ты пожалела...

Она вытерла слезы, хотела что-то ещё мне сказать, но передумала. Наташа убежала, и на этот раз я её не окликнула.

Я села обратно в кресло и уставилась в монитор. Сетка расходов за этот месяц сразу перестала меня интересовать. Я свернула все окна, оставила браузер, открыла соцсети и быстро нашла личную страничку Наташи. Она вела ее очень активно, что странно для тайной любовницы.

Я разное слышала от людей о себе, своем муже, наших родственниках и друзьях. Когда приходят большие деньги, одновременно появляется тонна доброжелателей, соинвесторов, непризнанных гениев и банальных психопатов.

Наташе я присвоила звание последней.

Но ее дети...

Мальчики.

Они были так похожи на Степу. Наташа, может, и психанула, но не врала.

Я зажмурилась, пытаюсь понять свои чувства.

Ничего.

Опять черное, пустое, глубокое ничего.

Ровно с того момента, как мне позвонили и попросили опознать тело мужа, я не чувствовала ни-че-го.

Вернее, сначала я мощно отрицала реальность. Степа разбился на Каширском шоссе. Он не мог там быть в тот день. Ну никак. Я считала, что машину угнали или еще что-то. Однако в морге никаких сомнений не осталось. Эмоций тоже.

Выжженная земля. Так я себя чувствовала уже неделю.

Я листала фото Наташи. Редко с подружками, больше детского контента.

Вздрогнула, увидев ее мальчиков рядом со Стёпой. Это была елка в нашей галерее. Муж устраивал каждый год праздник для детей сотрудников прямо в главном зале. Я была равнодушна к таким историям, а он всегда активно участвовал.

На следующей фотографии была и Наташа. Она улыбалась, склонив голову к Степе, почти касалась его плеча щекой. Он обнимал за плечи ее детей. Действительно, семейное фото.

Разум подсказывал мне злиться, гневаться, возмущаться, даже устроить скандал, может быть, разбить пару ваз. Но я словно окаменела и продолжала просто сидеть, глаза в экран.

– Кристина Дмитриевна, можно к вам?

Я подняла голову и увидела в дверях главного бухгалтера. Откашлялась.

– Входите, Татьяна Пална. Вы по зарплате? Я еще не закончила с таблицей.

– Таблица не к спеху. Я слышала, Наташа уволилась. Что мне с ней делать?

– А, да...

Слухи расплзались по конторе, как ядовитый газ. Я нашла заявление Наташи и передала главбуху.

– Вот. Все по стандартной схеме.

Пална переступила с ноги на ногу и осторожно проговорила:

– Боюсь, не выйдет стандартной схемы, Кристина Дмитриевна. Для Наташи у меня специальное распоряжение.

– Чье распоряжение? – спросила я, хотя догадывалась, кого назовет бухгалтер.

– Степана Борисовича.

Не промахнулась.

– Какие распоряжения Степа оставил?

– В случае увольнения Наташа получает шесть месячных окладов.

Я выдохнула со стоном.

– Простите, – добавила Пална виновато.

– Что уж извиняться? Это ведь не ты с ней спала.

У меня это вырвалось автоматически. Без злости и издевки.

– Простите, Кристина Дмитриевна, – повторила Пална. – Я понятия не имею, как отменить это. Думаю, вы можете...

– Я не стану, – прервала я ее. – Раз это была воля моего мужа, то пусть все получит. Тем более что он умер. Будет совсем некрасиво отменять его решение. Последнюю волю.

Татьяна Пална крикнула, но ничего мне не сказала. Она опустила глаза на заявление, посмотрела на сопливые салфетки, которые раскидала Наташа на моем столе, мельком на меня.

– Так я пойду?

– Угу.

Пална развернулась к двери, но и ее я не отпустила сразу.

– Татьян Пална, как давно он выдал это распоряжение?

Она крикнула еще раз, обернулась. Лицо моего бухгалтера кривилось, как будто я причиняла ей боль каждым словом.

– Кажется, около года назад, – ответила она, подумав.

– Вы знали, почему он это сделал?

– До-гадыва-лась, – почти чеканя слово по слогам, проговорила Татьяна.

– Я скину отчет по премиям через часик, – сменила я тему и отпустила ее жестом.

Но на этот раз Пална сама не спешила уйти.

– Наташке-то премию не станете начислять, я надеюсь? – спросила она громко и с возмущением.

Я горько усмехнулась и сказала:

– Не стану. Ее дополнительные усилия и внеурочную занятость я не смогу оценить по достоинству.

– И на том спасибо. Соболезную, Кристина Дмитриевна.

– Спасибо.

Татьяна Пална поспешила оставить меня одну. Дверь она за собой прикрыла в отличие от Наташи.

Я скорее убрала все личное с экрана и вернула свои мысли в таблицу. Можно горевать хоть сто лет, но сотрудники все равно ждут получку и премии. Рутинка вернула мне какую-никакую моральную стабильность. Но как только я закончила и отправила таблицу по внутренней почте, то поняла, что нужно убираться с работы. Ни одной минуты я больше не могла провести в кабинете. Сегодня – точно.

Вырвавшись на улицу, я набрала Катю.

– Да, дорогая. Как ты? – спросила она в трубку.

– Надо встретиться, – потребовала я без преамбул. – Когда можешь? Это срочно.

– Раз срочно, то и сейчас могу.

– Белая площадь?

– Да. Мне нужно минут пятнадцать.

– Отлично.

Я отбила звонок и направилась пешком к нашей любимой кофейне.

Холодный воздух кусал щеки и забирался морозными объятиями под пальто. Но я не стала застегиваться. Мне нравилось чувствовать хоть что-то. Пусть это всего лишь холод. Значит, я не каменная. Я живая.

Я живая, а Степа – нет.

На этой мысли я встала посреди тротуара и попыталась заплакать, но опять ни одной капельки не сорвалось с ресниц. Разве что стало совсем холодно. Я не стала мерзнуть и поспешила спрятаться в кофейне.

Глава 2. Друг в беде не бросит

С Катей мы дружили сто лет, еще со школы. Мою творческую натуру она всегда уравнивала железобетонной логикой. Мы с ней были как Инь и Ян. Степа даже шутил, что я зря вышла за него. Надо было стать женой Кати.

Эта мысль показалась извращенно привлекательной в сегодняшнем контексте. Катя не стала бы спать с Наташей и физически не смогла бы иметь от нее детей. А еще Катя юрист и обязана меня спасти от лишних наследников.

– Ну как ты, Крис? – спросила Катя, присаживаясь за стол.

Она сняла берет и растрепала дикие кудри. У меня всегда были прямые волосы, и я отчаянно завидовала Каткиным пружинкам. Она те же эмоции испытывала к моим волосам.

– Все так же я, но с новостями.

– И новости, кажется, паршивые, раз срочные, – догадалась Катя.

– Из разряда мифологии, – согласилась я. – Пожалуйста, посмотри и скажи, что я сошла с ума.

Я показала ей фото Степы с мальчиками, которое заново нашла, пока ждала подругу.

– Ой, – Катя подпрыгнула на стуле, задела коленкой стол.

Мой кофе выпрыгнул из чашки и наплевал на стол каплями.

– Черт, извини. Я не ожидала.

Я взяла пару салфеток и сказала:

– Да бог с ним. Скажи про детей мне...

– Что сказать, Крис? Это племянники какие-то? Так похожи на Степку пацаны.

Нет, я не сошла с ума, к сожалению.

– Кажется, это его дети.

Я показала ей фото с Наташей.

– Его секретарша? Seriously? – Катя качала головой и морщила нос, как будто здесь плохо пахло. – Откуда ты все это взяла?

– Наташа пришла ко мне сегодня с заявлением на увольнение. Наговорила всякого про меня, про него, про детей. И...

– Мало ли что она наговорила, – выступила в роли адвоката Катя.

– Да, я тоже так подумала, но потом ко мне пришла бухгалтер и сказала, что Наташе положено шесть окладов при увольнении.

– При увольнении по собственному? – переспросила подруга. Кажется, в это ей верилось даже меньше, чем в измены Степы. – Что это за бред?

– Распоряжение Степы.

– Твою ж...

Катя прикусила губу.

– Шесть месяцев, Кать. До вступления в наследство, понимаешь? – продолжила я набрасывать дерьмовые новости на вентилятор.

– Необязательно, – опять обнадежила меня Катерина.

– Наташа сказала, что он оставит все ей и детям.

– Так и сказала?

– Дословно. Это цитата. Дом, галерея, деньги и картины. А еще она не будет меня терпеть и выгонит на улицу.

Катины глаза вращались, как у хамелеона. Она схватила бутылку с водой, налила себе и выпила залпом.

– Слушай, это бред какой-то, Крис. Степка не мог. Ты бы знала! Он ведь – рубаха парень... был. Душа на улице, вода в жопе не держится. Худший шпион на свете.

– Знаю, но куда пришить детей, Наташу и распоряжения Степана?

Катя пожала плечами. Впервые в жизни я озадачила подругу настолько сильно. Обычно на все мои самые сложные вопросы она умела накидать несколько смелых вариантов. А теперь Катя не знает.

Что, нахрен, происходит? Куда катится мир?

И тут меня осенило!

– Каширка, Кать, – вскрикнула я.

На меня обернулись люди за соседним столом. Я робко им улыбнулась, извиняясь.

– Каширка, понимаешь? – повторила я тише.

– Не очень, – тоже тоном заговорщика откликнулась Катя.

– Ему нечего было там делать. Степа должен был улететь из Шереметьево.

– Да, Каширское шоссе совсем в другой стороне, – согласилась подруга.

– А если он никуда и не собирался ехать? В смысле в аэропорт... Если он поехал к ней?

Я снова полезла в телефон, и Катя спросила:

– Что ты ищешь?

– Ее адрес. Пална не должна была удалить файл сотрудника. У меня есть доступ.

Я быстро нашла информацию о Наташе, скопировала ее адрес и вбила в поиск, открыла карту.

Сомнений не осталось.

– Он ехал к ней, – поняла и Катя, глядя вместе со мной на экран. – Ну и пистон.

Она взяла меня за руку и крепко сжала.

Я качала головой, не веря в реальность происходящего. Как будто кто-то вернулся в прошлое и поломал принципиально важный момент.

Но еще больше меня пугало будущее, которое вытекало из моей сломанной реальности.

– Катя, а если она угрожала не впустую? Что я могу сейчас сделать? Я все-таки жена. Мне покажут завещание?

Катя покачала головой.

– Боюсь, что нет, дорогая. Его огласят в стандартном порядке. Ты сможешь оспорить. Будем упираться, а что если дети не его.

Я рассмеялась.

– Ты же видела их. Как под копирку маленькие Степки.

– Ну и что. Запретишь эксгумацию, и никакая экспертиза не установит.

– Боюсь, у Наташи есть и другие аргументы.

Катя вынуждена была согласиться.

– Учитывая, что на ее странице в открытом доступе фотки Стёпы с детьми... Да что б ее! Как она могла их выставлять? Откуда такая наглость?

Я не стала рассказывать ей о Наташе больше.

– Видимо, она долго терпела мое существование, – проговорила я нейтрально.

– Непонятно, почему Степан тебя терпел? Кто его держал? Ушел бы и жил с детьми. Козел. Ох, про покойников хорошо или ничего... – осеклась Катя.

Я промолчала снова. Про Степана мне тоже было что сказать и про свою роль в его жизни и нашем бизнесе. Я очень надеялась, что брак будет хорошим аргументом, если Наташины угрозы сбудутся на оглашении завещания.

– Что ты мне посоветуешь? – спросила я Катю, стараясь не терять надежды.

– Ждать. Если все дерьмово, то будем судиться. Я не верю, что Степка мог оставить тебя без содержания.

Я сжала свободную руку в кулак. Катя ничего не знала о галерее и моей ключевой роли в ее создании. Не знала о коллекции картин на миллионы. Она не очень интересовалась искусством и моей работой. Даже лучшая подруга видела во мне просто жену арт-дилера.

Меня это устраивало. Степу – очень устраивало. Я не претендовала на лавры, просто делала любимое дело. Кто бы мог подумать, что скромность сыграет такую жестокую шутку.

Мне снова стало душно. Я допила кофе и попросила:

– Давай пройдемся? Или лучше поехали ко мне? Выпьем вина, поговорим. Не хочу сидеть дома одна.

– Конечно.

Катя вывела меня из кофейни за руку, как маленькую. Ветер снова немного отрезвил. Я, как взрослая, вызвала такси и жадно дышала, пока машина подъезжала.

Мы доехали быстро, минуя пробки. Дом встретил холодной темнотой, но это было знакомо. Мы со Стёпой немало времени проводили отдельно друг от друга. Я отлично себя чувствовала одна, но сегодня нужна была компания Кати.

Я включила свет и сразу прошла в подвал за вином. Коллекционные бутылки лежали отдельно. Степа брал некоторые, чтобы открыть лет через пять, некоторые – через десять. Он разбирался в вине, а я просто знала, какие люблю, а какие нет.

Возвращаясь, я увидела, что Катя так и стоит в гостиной около моего портрета над камином. Я встала рядом и улыбнулась.

– Невероятный портрет, – сказала Катя. – Сто миллионов раз у вас была и каждый раз, как в первый, смотрю на эту картину.

Я с удовольствием согласилась.

– Да, я тоже, Кать. Моя любимая работа Степы. Он тут гений.

– Влюбленный в тебя гений, Крис, – добавила она. – Это не просто портрет, а признание в любви. В голове не укладывается, что у него был кто-то еще. Степка боготворил тебя.

– Нет смысла сейчас это обсуждать, – сникла я. – Давай выпьем.

Катя прошла на кухню и достала бокалы. Мы с ней чаще всего сидели именно здесь, а не в гостиной.

– Оу, какое старенькое, – оценила подруга пыльную бутылку. – Думаешь, он был бы не против?

– Думаю, ему все равно, – ответила я, вынимая пробку.

Я разлила вино и достала из холодильника сыры.

Чокаться не было настроения. Катя пригубила, причмокнула одобрительно и сказала:

– Терпкое какое.

– Да, долго зрело в бочке. Танины яркие. Степа хотел открыть его на новый год.

– Значит, просто время пришло? Ты не делаешь это из-за злости? Из мести?

Я рассмеялась.

– Конечно, нет, Кать. Если честно, я и не злюсь. Больше удивляюсь всему этому безобразию.

– Ну уж... – фыркнула Катя. – Конечно, ты злишься. Он изменял тебе, родил двоих детей. Сплошная ложь, Крис. Злиться – это нормально. Даже я на него злюсь сейчас.

Я сделала большой глоток и оценила букет вкуса. Очень солнечное, фруктовое вино, но при этом с ярким послевкусием дубовой бочки.

Никакой злости во мне не плескалось. Только потрясающее красное из Тосканы. Я решила признаться Кате в своих ужасных подозрениях.

– Мне кажется, я сошла с ума.

Кусочек сыра выпал у Кати изо рта. Она подавилась воздухом, кашлянула и хохотнула.

– Скажешь тоже, Крис. Не пугай меня.

– Я сама себя боюсь, Кать. Это ненормально все. Я действительно сумасшедшая.

– Почемуууу? – протянула подруга, продолжая игнорировать мою серьезность. – Ты нормальная, как всегда..

– Вот именно. Я не плачу, не чувствую боли утраты, скорби. В первые дни не до рыданий было. Оказывается, похороны организовать – это адский геморрой. С любой выставкой меньше хлопот. Думала, после кладбища спокойно поплачу, но ни капли не выдавила из себя. А Наташа...

– Что Наташа? – переспросила Катя.

– Я должна была расвирепеть, услышав ее потрясающие новости. Но единственное, что меня злит, – это ее угрозы забрать у меня галерею. Я расстроилась, да. Из-за денег, Кать. Из-за сраных денег и бизнеса, а не потому что мой муж умер. Не потому что он жил несколько лет в другой семье. Со мной что-то не так. Определённо. Я должна истерить, рыдать, рвать и метать. А вместо этого сижу с тобой и спокойно дегустирую прекрасную резерву Монтепульчано*.

Я уронила голову на руки и запустила пальцы в волосы. Очень хотелось заплакать, но глаза продолжали оставаться сухими.

– Все с тобой нормально, – попыталась утешить меня Катя, пересев на стул поближе. – Просто твой мозг включил защитную реакцию на горе. Называется диссоциация. Это неосознанный процесс, когда мышление отделяется от сознания и позволяет тебе продолжать существовать в обычном режиме. Всего лишь эволюция, а не сумасшествие, Крис.

Я всхлипнула сухим носом, отпустила голову и взглянула на Катю с надеждой.

– Точно?

– Конечно. У тебя столько потрясений за несколько дней. Разумеется, включилась защита. Иначе можно умереть от горя.

Умирать от горя я точно не собиралась. Но и мое существование было не очень похоже на жизнь. Я действительно просто продолжала трепыхаться в обычном режиме. Как будто Степа был не моим мужем, а, например, начальником. Наташины упреки оказались весьма точны.

Вот она горевала, как жена, а я...

Если я не сошла с ума, то со мной точно что-то не так.

Чтобы отвлечь меня, Катя принялась болтать обо всем и ни о чем.

Я не стала возвращать ее к моим баранам. Но все тот же рациональный мозг подсказал, что мое сумасшедшее спокойствие и равнодушие началось еще до Наташи.

Возможно, оно началось до смерти Степы.

А что если я сама умерла раньше, чем он.

Кате этого знать не стоило.

Мы пили вино, ели сыр, болтали, даже немного смеялись. Благодаря подруге я чувствовала себя живой. Мы застряли на кухне до ночи. Катя уговорилась остаться на ночь. Я пошла постелить ей в гостевой комнате.

– Кстати, Мирон не объявился? – спросила она, пока я доставала белье из шкафа.

Меня моментально прошила вспышка гнева.

– Нет! – рявкнула я.

– Ты ему звонила? – не унималась Катя.

– Конечно, звонила. Он все-таки его родной брат. Личный номер вне зоны. Агент сказал, что этот придурок ушел в горы и не отвечает на телефон. Диджитал-детокс у него для вдохновения. Сволочь.

Я швырнула наволочку в сторону, чтобы застелить Кате простыню.

– Воу, ты чего завелась, киса? – сразу заметила она мое раздражение.

Идея затащить Катерину к себе на ночь сразу перестала мне казаться удачной. Она слишком хорошо меня знала и моментально заметила вздернутые нервы.

– Я не завелась. Просто бесит его безответственность и эгоизм. Только Мирон Бероев так умеет. Его не волнует никто, кроме себя самого.

– Ты злишься на него?

Катя снова попала в яблочко, и меня это взбесило окончательно.

– Конечно, я злюсь. Он единственный близкий родственник Степы, Катя. А я не могу ему сказать лично. Он не был на похоронах и узнает о смерти брата от агента, скорее всего. Что за дерьмо, а?

– Я не об этом, – очень загадочно продолжила Катя. – Ты злишься на него за ту историю. Когда вы учились в универе.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули. Воспоминания обожгли стыдом, болью и обидой. Я вдохнула глубоко, чтобы не всхлипнуть. Мне удалось сохранить невозмутимость с трудом.

– Глупости, – соврала я. – Сто лет прошло. Мне плевать.

– Точно? Тебя трясет прям как... тогда.

Катя забрала у меня вторую подушку, и сама засунула ее в наволочку. Я и не заметила, что руки дрожат. Пришлось спрятать их в карманы брюк.

– Глупости, – повторила я. – Я... Мне... Мне просто хотелось хоть какой-то поддержки от близких Степана. Нелегко быть сильной среди всего этого кошмара.

– Ох, конечно. Бедный ты мой человек.

Катя обняла меня, растёрла ладонью спину. Я тоже сжала ее покрепче, чтобы скрыть дрожь. Все мое тело вибрировало из-за разговора о Мироне. Из-за воспоминаний о самой ужасной ночи в жизни.

Я вздрогнула.

Самой ужасной ночью должна быть та, когда умер Степа. Но даже сейчас я так не считала. Первое место среди ужасных ночей занимал Мирон. Оттуда даже мёртвый брат его не скинет.

Если честно, я даже обрадовалась немного, что Мирон отшельничал в горах без телефона. Вряд ли я смогла бы достойно проводить мужа в последний путь при его брате. Мы бы обязательно поругались в морге, у гроба, на кладбище, на поминках.

Пусть Мирон ищет просветление в Тибете. Или где он там? Я пыталась его найти. Моя совесть чиста перед Степой.

Оставив Катю, я скорее пошла к себе. Приняла душ, нарядилась в уютную пижаму и запрыгнула под одеяло. Меня все еще трясло. Я закрыла глаза и заставила себя расслабиться, забыть о Мироне, очистить разум и уснуть.

Степа и так подкинул мне проблем. Я не имею права проваливаться в прошлые переживания. Хватит и настоящего вместе с туманным будущим.

Засыпая, я призналась себе, что короткий разговор о Мироне вызвал у меня слишком много негативных эмоций.

– Вот бы так из-за Наташи рассвирепеть, – прошептала я себе под нос. – Или чтобы мозг блокировал эмоции на Мирона. Хрена с два мне так повезет.

Я зажмурилась и почти сразу уснула.

** Резерва (Reserva) – выдержка вина в дубовой бочке минимум 1 год для красных и шесть месяцев для белых и розовых.*

Монтепульчано д'Абруццо (итал. Montepulciano d'Abruzzo) – итальянское сухое красное вино, производимое в области Абруццо. Производится из одноимённого сорта винограда монтепульчано.

Глава 3. Завещание

Мы с Катей, конечно, придумали много разных уловок. Она предлагала быстренько продать часть картин. Можно попробовать пристроить несколько в хорошие щедрые руки. Но все работы мастеров были для меня, как родные дети. Почти все я покупала за бесценок без посредников, прямо у мастеров. Они тогда еще не знали сами, насколько талантливы. У меня нюх на это дело. Я могу найти жемчужину в дерьме и как следует ее распиарить в узких искусствоведческих кругах.

У меня были сложные отношения с современным искусством. Я сама любила более академичные работы, но и гениальную мазню ценила. Не скажу, что мне это нравилось, но я уважала новаторство в живописи и графике.

Каждая выставка, каждая картина в хранилище галереи были частью меня. Нет, к черту лицемерие. Ничего я бы не смогла продать по-быстрому. Я совершенно не хотела продавать. Да и не было в этом смысла. Если закидывать удочку коллекционерам, они будут сбивать цену. А на аукцион не было сил и времени. К тому же нельзя потом исключать скандала. Я все-таки исполняла обязанности хозяйки до оглашения завещания.

Унизительно.

Моя галерея всегда по факту принадлежала Степе. Мы решили, что в консервативном мужском мире так проще. Я и подумать не могла, что придется хоронить мужа и доказывать свои права на бизнес.

К тому же у меня просто не было сил что-то решить. Я продолжала заниматься выставками, отсиживать новых талантливых художников, следила за аукционами, даже наняла пару новых сотрудников.

Зачем?

Сама не знаю. Мне казалось, что, продолжая жить обычную жизнь, я обману судьбу.

Такую стратегию я выработала давным-давно. Когда мое сердце растоптал Мирон Бероев. Я не хотела жить, так больно мне было от его предательства. И только Степа смог вытащить меня из ада отчаяния. Я всю жизнь цеплялась за него, чтобы не утонуть.

Человек, подлое животное, ко всему привыкает. Вот и мне стало казаться, что спасательный круг – почти корабль.

А теперь у меня и круга не было. Слава богу, я и сама научилась держаться на плаву. Правда, от одной мысли, что придется оставить галерею, меня тошнило. Я знала себе цену, знала, что без проблем найду работу.

Но мне нравилось работать в своей галерее, на себя. И мой дом мне нравился. Его тоже можно было продать без лишнего шума, но я не хотела.

В этом доме жили родители Степы. Землю получил его отец в лохматые времена. И Мирон любил этот дом.

Я пыталась так и эдак сделать свою жизнь спокойнее. Но ни одно решение не приносило мне уверенности. Намного лучше я чувствовала себя, занимаясь любимым делом. Вытаскивать голову из песка мне не хотелось.

В конце концов, стало казаться, что Наташа драматизирует на пустом месте. Даже если Степа оставит что-то ей и детям, то это будет не галерея. У него есть счета, имущество. Он же не дурак, в конце концов. Если дурак, то я подам в суд и обязательно выиграю.

В день оглашения завещания я была спокойна как удав. Нотариус пригласил нас на утреннюю встречу. Я взяла с собой Катерину. Мне даже кофе утренний удалось выпить и не блевануть.

В кабинете я сразу увидела Наташу. Она была одета в строгий брючный костюм. Ее волосы зачесаны в гладкий идеальный пучок. Такой я ее видела почти каждый день до смерти

Степы. Интересно, она распускает волосы дома? Зачем теперь поддерживать этот строгий образ?

Глупые вопросы самой себе успокаивали.

Я спокойно села в кресло, а Наташа, наоборот, вскочила как ошпаренная.

– Она тоже тут? Ее здесь быть не должно.

– При оглашении обязаны присутствовать все, кто упомянут в завещании, Наталья Петровна, – спокойно ответил ей нотариус. – Вы присядьте.

Наташа вернулась на свое место и недовольно поинтересовалась:

– Надо было и мальчиков привести?

– Несовершеннолетних наследователей представляют родители или опекун. То есть вы.

– Ну и прекрасно. Непонятно, почему вообще мы так долго ждали оглашения. Могли узнать все сразу.

– Не могли, – продолжал терпеливо просвещать Наташу стряпчий. – Степан Борисович настаивал на присутствии всех наследников. Совершеннолетних наследников. С этим была проблема. Отсюда и задержка по времени.

– Мы ждем кого-то еще? – догадалась Наташа.

Мое сердце сжалось до размера изюминки. Кровь остановилась. Если у Степы не было еще любовниц с детьми, то ждать мы могли только одного человека.

– Всем привет. Я не опоздал? – задорно прозвучал голос Мирона.

А через мгновение он появился сам. Я вцепилась в подлокотники. Брат моего покойного мужа прошел в кабинет. Он остановился у моего кресла, приветливо улыбнулся и сказал:

– Давно не виделись, Тина.

В глазах потемнело. Я медленно поднялась с кресла, встала напротив него, моргнула. Моя рука взлетела в воздух. Я размахнулась как следует и звонко ударила Мирона по наглой роже.

Он дёрнулся и тряхнул головой. Надеюсь, ему было больно.

– Да уж, давно, сволочь! – выкрикнула я и замахнулась еще раз.

Мирон не попытался уклониться.

Меня скрутила Катя. Она поймала мои руки и прижала их к бокам.

– Крис-Крис, ты чего! Тише. Успокойся!

– Черта с два я успокоюсь! Какого хрена ты тут делаешь, Мир?

– Вызвали, – развел руками Бероев. – Как и тебя.

– Ты не был на похоронах, но заявился на оглашение завещания. Где тебя носило, урод, пока я хоронила твоего брата?

– Тише, тише, тише, – продолжала шикать Катя мне в ухо. – Потом его убьешь, Кристин.

– Да, господа, прошу всех успокоиться, – присоединился к Кате и нотариус.

Всех – это он меня имел в виду. Наташа Мирона знать не знала. От моей вспышки ее вообще прибило к стулу. Она смотрела на нас, как зритель ток-шоу, где вдруг началась драка.

– Я готов подставить лицо потом, Тиныч, – фальшиво весело пообещал Мирон. – Удовлетворю твою жажду крови.

– Пошел ты, – рявкнула я. – И не смей меня так называть. Понял?

– Понял, Кристина Дмитриевна, – издевательски проговорил Мирон и устроился около Наташи. Она рассматривала его с нескрываемым интересом.

Пообещав Кате быть тихой, я села обратно в кресло. Пришлось обнять себя руками, чтобы запретить телу бунтовать. Меня потряхивало от желания причинить убудку острую боль.

Несколько минут я приходила в себя. Нотариус окинул взглядом нашу компанию и начал процедуру. Его монотонный голос немного успокоил. Я вспомнила, зачем мы тут все собрались.

Катя гладила меня по плечу, тоже внимательно слушала.

Я была готова ко всему и сжала кулаки, когда первым делом оглашали наследование дома.
– Из принадлежащего мне имущества я завещаю принадлежащее мне на праве собственности недвижимое имущество, а именно дом...

Я затаила дыхание, но нотариус обошелся без драматической паузы и быстро закончил:
– Моей жене, Бероевой Кристине Дмитриевне.

Также Степа завещал мне все свое движимое имущество. Учитывая, что он разбился на машине вдребезги, то остался только квадроцикл.

– Забавно, что Стёпка оставил тебе квадрик, – не промолчал Мирон.

– Ты серьезно находишь что-то забавное здесь? – рявкнула я.

– Господа, обсудите все позже, – обратился к нам нотариус, которого мы сбили.

Мирон зашил себе рот пальцем. Я с трудом сдержалась, чтобы не фыркнуть. Чертов клоун.

О, лучше бы Мир продолжал паясничать. Потому что как только оглашение продолжилось, я сама была готова умереть.

Муж больше ничего мне не оставил. Нотариус перечислил все остальное имущество, и оно было поровну поделено между Мироном и его детьми.

Вернее, не совсем поровну. Все работы Мирона возвращались ему, а также часть картин других художников. Также были выделены доли владения галереей. Их оказалось четыре. Наташе тоже полагался кусочек. Степа подумал обо всех, кроме меня.

– Этого не может быть, – прошептала я, когда все закончилось. – Он не мог так поступить. Это невозможно.

Нотариус сделал мне еще замечание и оказалось, что это ещё не конец. К завещанию прилагались документы мальчиков, где их отцом значился Степа.

– Несовершеннолетние или нетрудоспособные дети, – напомнила мне Катя. – Они наследники независимо от содержания завещания. Ты тоже имеешь право на долю, Крис.

– Неужели, – рассмеялась я. – Имею право на долю в своей же галерее?

Мы вроде обсуждали все это с Катей сто раз, и я была готова к обжалованию... Или нет? Наташины слова сбывались у меня на глазах, а я все равно не верила.

– Как законная супруга вы можете оспорить завещание, если недовольны долей имущества, которая вам досталась, – вторил Кате нотариус.

– Недовольна, – рассмеялась я, теряя терпение снова. – Какое счастье, что у меня есть право быть недовольной.

Наташа посмотрела на меня с нескрываемым триумфом. Она как будто ждала скандала. Возможно, думала, что я начну плакать. Она не отводила взгляда от меня. Я не доставила ей удовольствия, хотя внутри все кипело и бурлило.

Мне было так больно и обидно. Я не понимала, за что Степа так со мной поступил? Черт с ней с любовницей. Бог с ними с детьми. Я могла понять и долю Мирона в наследстве. Но мне он не оставил и части бизнеса, ни одной картины. Картины, которые я сама превратила в шедевры.

Почему?

В какой-то момент я перестала слушать и просто ждала, когда все закончится. Катя что-то мне говорила, но смысл ее слов не доходил до меня.

Я с огромным удовольствием и раньше всех покинула кабинет нотариуса, вышла на улицу.

Катя догнала меня через пару минут. Она несла заверенную копию завещания.

Я задрала голову и ловила лицом снежинки. Они таяли на моих щеках, превращались в воду. Почти в слезы.

– Крис, не раскисай, – бойко заговорила Катя. – У нас отличные шансы получить долю галереи. Я сама не возьмусь, но есть коллега, который на таких делах собаку съел. Он очень крутой. Давай встречу с ним назначим. Прямо сейчас позвоню. Может, в кофейне присядем?

– Давай, – откликнулась я равнодушно и сразу передумала. – Нет, лучше ты сама договорись, Катюш. Я тебе доверяю.

Хотела добавить, что мне сейчас очень нужно побыть одной, но не успела.

– Тина, – позвал меня Мирон. Он как из-под земли вырос.

Я вдавила ногти в ладони и процедила:

– Просила не называть меня так.

Он закатил глаза и сказал:

– А, как скажешь. Забыл. Могу я тебя попросить?

– Еще раз ударить? Просить не нужно.

Катя охнула и на всякий случай схватила меня за руку.

– Она шутит, – уверил мою подругу Мирон.

– Ээээ, вряд ли, – неуверенно проговорила Катя.

– В любом случае я готов рискнуть здоровьем. Тин... – Мирон увидел, как я сузила глаза и поправился: – Кристина, ты правда нужна мне.

Я вздрогнула. От его слишком нежного голоса мне стало не по себе. Сколько раз я слышала эту фразу и верила. Даже сейчас мне так хочется верить ему, но я отлично помню, что нельзя.

– Мне нужна твоя помощь, – уточнил Мирон.

Я простонала и сдалась. Пожалею, что уступила, но спросила:

– Какая помощь?

Мирон тряхнул головой, сбрасывая снежинки, и очень тихо попросил:

– Кладбище. Съезди со мной к Степке. Я не найду один.

Глава 4. Слабость и скорбь

У меня не было шанса отказать. Мирон ведь не знал, где похоронен Степа. Я могла дать ему инструкции и удрать, но не стала этого делать. В конце концов, он его брат.

Я кивнула и забрала у Кати свою руку.

– Созвонимся попозже? – спросила подруга.

Ей я тоже кивнула и поцеловала в щеку.

– Да, пока.

Мирон подставил мне локоть, но я игнорировала клоунскую галантность.

– Просто поехали, – буркнула я и пошла к машине.

Мирон топал за мной. Я не видела его, не слышала шагов из-за шума города, но чувствовала спиной. Всегда его чувствовала. Как дышит, как думает, как смотрит. Я ненавидела эту незримую связь, но убрать ее не могла.

В очередной раз стало себя жалко.

Если бы Степа не умер, то и не пришлось бы сейчас трястись из-за Мирона.

Я была согласна жить во лжи, но в покое. Однако никто мне не предложил такой сделки.

Мирон молчал, пока я выезжала с парковки. Не спешил он поболтать и по дороге.

Зато у меня накопились вопросы, и я решила их озвучить.

Если он думает, что я все та же глупая девочка с восхищением в глазах и открытым ртом, то нет. Сюрприз, Мир. Я повзрослела и поумнела.

– Когда ты вернулся? – спросила я первым делом.

Мирон вздрогнул, снова кривляясь.

– Ух, ты заговорила со мной без острой необходимости.

Я решила не злиться. Думаю, Мир, как и Наташа, хотели от меня эмоций. Но свою слабость я не хотела им демонстрировать. Поэтому просто ответила:

– Я любопытна, как все нормальные женщины.

– Ты и рядом не стоишь с нормальными женщинами, дорогая. Уж я знаю.

Я сжала губы. Знает он.

– Когда приехал, Мир? – повторила я вопрос и взглянула на него мельком.

Мирон усмехнулся довольнo, услышав свое короткое имя.

– Рано утром, – ответил он.

– Где твои вещи?

– В отеле, конечно. Я бы очень хотел домой, но решил, что ты меня непустишь.

– Через мой труп, – отрезала я.

Мирон вздохнул.

– Зря ты так.

– Хотя бы дом он мне оставил. Я могу решать, кому там жить, а кому нет.

Что-то промывав, Мирон отвернулся к окну.

Я специально давила на его больное место. Он ненавидел отели и обожал родной дом. У них со Стёпкой было счастливое детство. Муж часто рассказывал, что в родном доме они с братом чувствуют прилив силы и вдохновения. Даже странно, что особняк достался целиком мне, а не Мирону. Совсем нелогично.

Хотя какую логику можно ожидать после варварской дележки моей галереи между Миронem и Наташей?

Мир продолжал смотреть в окно, игнорируя меня. После попыток изобразить эффектное возвращение блудного родственника его отстранённость выглядела чудно.

Но опять же... Нет смысла искать адекватность в поведении Мирона Бероева.

Зато я печенкой чувствовала, что он знает про завещание и мотивы Степы больше меня.

– Тебе агент сказал про Степу? – спросила я через несколько минут молчания и торга с самой собой.

– Нет. Меня нашел Степкин адвокат. Он был сегодня на оглашении. Полный коротышка с залысынами.

Я припомнила его с трудом. Думала, это один из свидетелей.

Наличие юриста у Степы, которого я не знала, было очередным потрясением.

– Ясно, – сказала я, хотя мне ничего не было ясно. – Почему Степин юрист знает, где тебя искать, а агент – нет?

– Потому что Степа знает... – Мирон прокашлялся и поправил сам себя. – Он знал моего наставника. Через него связался.

– Понятно, – буркнула я, продолжая ничего не понимать.

Мирон неожиданно признался.

– Мы виделись две недели назад. В Мехико.

Еще одно неожиданное открытие.

– Две недели назад Степа был в Майями. Хотя я уже ни в чем не уверена, – сказала я.

– Он берег твои нервы, не упоминая о встречах со мной.

Я сжала губы и буркнула себе под нос:

– О любовнице и детях не говорил по той же причине, видимо. Заботушка.

Мирон услышал, конечно. Я заметила, как дернулся уголок его губ, но он не разрешил себе улыбнуться.

Мирон еще хуже Степы. Если у мужа вода в жопе не держалась, как выразилась Катя, то Мир вообще не затыкался. А тут – молчит почти всю дорогу. Подоставал меня для порядка при встрече – и все.

– Ты знал о завещании? – спросила я, не в силах сама больше терпеть.

Мирон молчал.

– И про Наташу знал? – продолжала я. – И про детей?

Тишина была красноречивее любых оправданий или признаний. Я саданула руками по рулю и закричала.

– Чтоб вас обоих!

Машина вильнула, но я быстро пришла в себя и вернула управление. Мирон тоже среагировал. Он схватил руль и мою руку.

Меня прошило током. Злость закипала сильнее и грозила вырваться наружу. Или это уже была не злость, а адреналин с возбуждением? Или все сразу.

Мое бетонное спокойствие отчалило в дальние края. Я с трудом сдерживала слезы, таращась на дорогу и крепче сжимая руль.

«Тише, Крис, тише», – сказала я сама себе.

– Может, я поведу? – предложил Мирон аккуратно.

Он вообще был очень сдержан, едва сел в машину. Как будто взвешивал каждое слово, а большую часть вообще не озвучивал. Совершенно на себя не похож. Хотя мы так давно не виделись...

– Нет, я в порядке, – сказала я.

Если отдать ему управление, то могу и расклеиться. За рулем я чувствовала себя увереннее и большую часть внимания отдавала дороге, а не эмоциям.

– Постарайся не убить нас, – очень спокойно попросил Мир.

До конца пути мы молчали. И только около кладбища я поняла, почему Мирон ведет себя так странно.

Это у меня кастрированный эмоциональный фон. Мирон подобным недугом никогда не страдал. Он орал, если злился, брал, если хотел, уходил, если раздражало. Любил тоже на двести процентов. Он любил Степу.

Степа был его братом. Они поддерживали отношения, хотя я понятия не имела. Вернее, я просто не хотела об этом знать.

Мирон скорбел. Я по привычке навешала на него все грехи, но он просто не знал о смерти Степы. А сейчас узнал, и ему больно.

Я оставила машину у дороги и повела его к могиле.

Там все было так, как я оставила. Только увядшие цветы убрал смотритель.

Мирон подошел к кресту, погладил его. Мне стоило отвернуться, но я не могла отвести глаз. Смотреть на него почему-то было очень приятно. Мир долго стоял не шевелясь. Он не застегнул куртку и не поднял воротник, чтобы спрятаться от ветра. Его густые темные волосы перепутались, растрепались.

До колкой боли на кончиках пальцев мне захотелось запустить руку в его безумную шевелюру. Неужели мне нужно самой умереть, чтобы избавиться от этих привычек?

Я слышала, как Мирон шмыгнул носом. Он вытер его рукавом и отошел от креста. Я думала, что мы пойдем, и начала разворачиваться. Но он поймал меня за руку, заставил остановиться и посмотреть на него.

Прикосновения и взгляд – слишком много для меня. Я должна была вырвать руку и попросить отвалить, но вместо этого оцепенела. У меня не было сил отвести глаза, хотелось смотреть на него. Мирон моргнул, и по его щекам пробежали две слезинки. Он вытер их кулаком, снова шмыгнул носом и хрипло сказал:

– Прости меня, Кристин.

Как долго я ждала этих слов. На мгновение мне показалось, что он извиняется за все. Но это было не так. Я лишь пару секунд позволила себе эгоистично думать, что это про нас.

– За что? – спросила я тихо, чувствуя, как горло сжимается.

– Что оставил тебя со всем этим наедине. Я должен был тебе помочь. Прости меня.

Мир был таким уязвимым в этот момент. Он снова часто заморгал, чтобы выгнать из глаз слезы. Его плечи дрожали.

– Необязательно всегда быть сильной, Тина, – проговорил он. – Я знаю, что тебе хреново. Понятия не имею, как ты вынесла...

Холодные тиски равнодушия разжались. Я жадно вдохнула морозный воздух и судорожно выдохнула. Боль стала нестерпимой. Я замерла, смакуя почти забытое ощущение. Глаза наполнились слезами. Мирон как будто заразил меня реальной скорбью и нестыдной слабостью. Я была рада поплакать. Как ужасно это ни звучит. Если плачу, значит, я живая и не сошла с ума.

– Ты тоже меня прости, – проговорила я.

– За что? – спросил Мир. Совсем как я.

Горячие слезы обжигали лицо. Я еще держалась за свою глупую силу, чтобы не раскиснуть окончательно. Собравшись, я призналась:

– Степу могли похоронить рядом с родителями. Мне нужно было настаивать, но я так разозлилась на тебя. Это очень глупо и жестоко. Я должна...

– Нет, – он взял мое лицо в ладони. – Нет, Крис. Я должен был сам... Не ты... Не вини себя.

Все. Плотину прорвало. Пружина сломалась. Моя защита рухнула. Безобразно скривив губы, я завывала как раненый зверь.

Я не сопротивлялась, когда Мир прижал меня к себе, крепко обнял. Подняв руки, я вцепилась в его майку и сжалась в комок.

Стоило на минуту позволить себе быть слабой. Оказалось, это так приятно.

Как будто мне снова девятнадцать, и я доверяю свою жизнь и судьбу гениальному красивому молодому мужчине. Никакой ответственности – только шикарное право чувствовать.

Тогда я умела плакать. И только Мирон мог сейчас напомнить мне, как это делать. Поддаться эмоциям и прожить все, что произошло.

Он потерял брата, а я мужа.

Мы оба потеряли лучшего друга. Только Мир мог утешить меня сейчас, а я его.

С каждой слезинкой мне становилось легче. С каждым громким стоном уходила боль.

Мирон раздолбал мою броню виртуозно и красиво. Я не спешила обратно в кокон, а разрешила себе как следует проплакаться, прокричаться. Наташа была бы счастлива увидеть меня такой.

Не помню, сколько мы стояли и ревели, обнимаясь. В какой-то момент стало холодно. Я задрожала. Мы куда-то пошли. Мирон увел меня к машине.

Он забрал ключ, открыл дверь и посадил меня на пассажирское сидение.

Я все еще тихо плакала, когда он выезжал на шоссе.

Мир не смотрел на меня, только на дорогу. А я, наоборот, стала разглядывать его украдкой.

Его волосы стали длиннее, завивались все также безумными вихрами. Губы обветренные и искусанные. Он грыз их до крови, когда писал на вдохновении или когда нервничал. Сегодня наверняка второе.

Я заметила, что Мирон немного поправился. Скулы стали не такие острые. Выглядел лучше, чем в последнюю нашу встречу. Кожа тоже была хорошая, розовая, а не землистого цвета. Глупая надежда вспыхнула в сердце. Это хороший знак. Неужели он прекратил убивать себя?

Очередной ком подкатил к горлу, но его я проглотила.

Одно дело позволить Мирону достать из закровов мою боль по Степке, но совсем другое – страдать по нему. Мне хватило слез по этому поводу. Бассейн наплакала. Больше не хочу.

Всю дорогу я боролась с демонами прошлого, которых растревожил Мир одним своим появлением. Они требовали свой фунт плоти, но я упрямо отказывалась возвращаться в ад.

У меня полно забот и без Мирона. Нужно готовиться к суду, бороться за свою галерею, за себя.

Я пыталась вспомнить, что говорили на оглашении, но все было как в тумане. Кажется, Катя обещала, что мы выиграем суд.

В теплой машине рядом с Мироном думать о наследстве и суде совершенно не хотелось. Придется избавиться от Степиного брата, чтобы вернуть свою настоящую жизнь. Надеюсь, он свалит обратно в Чили или Перу... Или где он там жил в горах без сотовой связи со своим наставником?

Не удивлюсь, если его наставник – это три модели с ногами от ушей и напудренными коксом носами. Эдакая порнографическая гидра.

Мысленно обливая Мирона дерьмом, я взбодрилась. Мои доспехи успешной и независимой леди снова сияли и звенели.

Взглянув в окно, я поняла, что Мир привез нас к дому.

Он остановил машину у ворот и повернулся ко мне.

– Я тебя не приглашаю, – заявила я, играя на опережение.

Думала, он начнет язвить и издеваться, как обычно. Я и сама себе напомнила, что это его родной дом. Свинство – не пригласить сейчас. Хотя бы в благодарность и в память о Степе и родителях. Но я решила быть сукой, чтобы не поломаться.

Мирон улыбнулся печально и попросил чертовски вежливо:

– Пригласи меня, пожалуйста, Кристин. Нам нужно поговорить.

– Наговорились уже. Мне хватит, – огрызнулась я.

– Это касается галереи. Поверь, тебе точно стоит пригласить меня в дом и выслушать.

Глава 5. Подарки судьбы

Нужно было слать Мирона к черту, но он был удивительно серьезен. Я решила не рубить с плеча и сняла блокировку ворот через телефон.

Мир склонил голову и едва заметно улыбнулся. Я очень сильно старалась не злиться на него за эту улыбочку и за все остальные, когда я ему уступала.

Он загнал машину в гараж, даже успел открыть мою дверь и подать руку. Я проигнорировала помощь.

Сидеть в машине из вредности было бы глупо.

– Не надо паясничать, Мир. Ты давным-давно произвел на меня впечатление, – отрезала я и самостоятельно вышла из авто.

– Знаю, помню и, видимо, никогда не искуплю, – пробормотал он мне в спину.

Я не ответила и пошла в дом.

На ходу снимая пальто, я пыталась успокоить нервы. Слишком много воспоминаний тащились за мной вместе с Мироном. Я бы очень хотела забыть или хотя бы не реагировать так остро на свое прошлое.

Мечты-мечты.

Я приставила палец, чтобы открыть замок на двери. Правила приличия требовали пропустить Мира вперед, но я даже дверь не стала придерживать. Ему пришлось поймать ее и проскочить скорее в холл.

Пока он возился с верхней одеждой, я уже прошла в гостиную и включила везде свет. Мне нравилось опережать его на два шага. Хотя какое-то превосходство после тотального унижения у нотариуса и на кладбище.

– Говори, что хотел, и уходи, – сказала я жестко.

Но Мирон не спешил приступить к делу. Он прогулялся по гостиной, продолжая улыбаться. Остановился у полки с фотографиями и долго смотрел на фото родителей.

Мое оттаявшее сердце предательски сжалось в очередной раз. Каким бы гадом ни был Мирон, он не заслужил потерять всю семью. Сначала родители, теперь Степа. Сложно представить, что он чувствовал сейчас. Странно, что он проживает потерю здесь со мной, а не в вонючем баре в обнимку с третьесортной шалавой.

Я ждала, не смея прервать его.

Мир отвел глаза от фото, осмотрел гостиную. Его взгляд задержался на моем портрете.

– Ты почти ничего не переделывала здесь, – сказал он. – Все осталось таким, как при маме.

– Мы с ней всегда сходились во вкусах, – ответила я и уколола, не сдержавшись, – поэтому Степа и женился на мне.

Мир скривил губы и закатил глаза.

– Мы оба прекрасно знаем причину, по которой вы поженились. И это не наша мать.

Я прищурилась, но не стал отвечать на это. В любой перепалке с Мироном я проиграю. При всей своей тяге к маргинальному образу жизни Мирон Беров истинный сын своей прекрасной красноречивой и меткой мамы.

– Если ты собрался говорить об этом, то лучше сразу проваливай.

– Я хотел сделать комплимент, – Мир поднял руки вверх, сдаваясь. – Поговорить нам нужно о Степке и завещании.

Мирон сел без приглашения и нагло поинтересовался:

– Может, выпьем вина?

– Вряд ли это хорошая идея. И не смей здесь устраивать ничего... – я пыталась подобрать слова, но ничего подходящего не приходило в голову. – Ничего того... Мерзкого.

Мир покачал головой.

– Думала, я разомлею и начну рассыпать дороги белого на журнальном столике?

Я поджала губы и сложила руки на груди. Стояла молча, глядя на него сверху вниз.

– Нет, Крис. Я чист уже три года как. Ни капли в рот, ни сантиметра в жопу.

Было похоже на правду, но я не спешила верить.

– А вино?

– Вино – это не кокс.

– Но ты пьешь.

– Бокал или два. Не до пороссячьего визга.

– Неужели?

– Ты ведь жила со Стёпой. У него в подвале сто пудов бутылок двести элитного дерьма из лучших виноградников мира. Он и бомжа научил бы пить культурно.

Снова звучало очень знакомо и правдоподобно. Но я еще колебалась.

– Боюсь, многие бомжи ведут себя приличнее, чем ты.

Мир скривил лицо и не стал спорить.

– Можешь думать, что хочешь.

– Я точно не стану наливать тебе здесь и сейчас, Мирон.

– Понимаю. Больше не прошу.

– Лучше говори по делу. Ты знал про галерею? Про Наташу? Почему вообще Степа составил завещание?

Мирон указал пальцем на диван, и я присела на краешек, подальше от него. Но даже на самом длинном диване мы с Мироном были слишком близко. Я выпрямила спину и напряглась. Как травоядная косуля, которая пытается слиться с ландшафтом и не дышать при хищнике.

– Я знаю, почему он в принципе думал о смерти. Мы хайкали в районе Рейнира...

– Рейнир! – воскликнула я. – Это в Америке, что ли?

– Да, штат Вашингтон.

– Какого хрена вы там делали?

– Я же говорю, Крис. Хайкинг.

– Это опасно, Мир! На Рейнире регулярно погибают люди.

– Мы не таскались высоко. Гуляли по парку, можно сказать.

– Можно сказать, ты врешь, – пригвоздила я Мирона.

Знаю я его виноватую морду и попытки приукрасить дерьмо безобидными словами типа парк и хайкинг.

– Что ты за человек, Тина? – простонал Мирон.

– Хороший, в отличие от некоторых, – ответила я и потребовала: – Что случилось в вашем проклятом парке?

– Аппендицит случился у Степы. Он потел, блевал и выл, как раненый бизон, от боли. Я почти тащил его на себе сто миллионов миль, потом встретили ребят, они помогли.

– А телефон? У вас были телефоны? Скорую можно вызвать.

– Сначала не ловила сеть, потом скорая велела нам приезжать в больницу самим.

– Как это? – возмутилась я.

– Вот так. Ты фильмов пересмотрела, что ли? Спасательный вертолет на гору в Штатах будет стоять как ракета Илона Маска. Должна толпа людей разбиться, чтобы вызвали авиацию. Ну и не было у нас все так плохо. Степка чувствовал себя паршиво, висел на мне, но шел ногами.

Я зажмурилась и... рассмеялась от нервного напряжения. Моя поломанная психика сегодня выдавала полный арсенал странных реакций.

– Я бы убила вас обоих за это дерьмо, но ты контуженый и так, а Степа уже умер.

Мирон тоже хмыкнул. Заметив, что я опять балансирую на краю истерики, он взял меня за локоть и повел к ванной.

– Умойся прохладной водичкой, Кристин. Работает как перезагрузка. А я чай поставлю, лады?

Я не смогла отказать ему. Проваливаться в бездну эмоций больше не хотелось. Меня немного пугало первичное оцепенение после смерти Степы, но оно было привычнее и проще рыданий навзрыд.

Когда я успокоилась и вернулась в гостиную, Мирон поставил на журнальный столик чайник и чашки.

– Ты сам заварил? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Нет, вызывал призрак мамы. Жаль, она не успела испечь свой капустный пирог, – Мирон сморщил нос и признал: – Паршивая шутка, но твой дебильный вопрос побуждает быть мудаком.

– Ты не знал, какую кнопку нажать на чайнике, и крестился около кофемашины, – припомнила я.

Мирон продолжил список:

– Не умел мыть посуду, стирать и признавать собственный инфантилизм. Ты права, Кристин. Но люди меняются, знаешь ли.

Думаю, мой скепсис по поводу изменений он понял без слов и махнул рукой. Мирон налил чай по чашкам и набросал на хлеб сыра с колбасой.

– Нарезал сам, – оценила я и этот нюанс.

Он сунул мне в руки чашку и буркнул:

– Сам-сам. Спасибо-пожалуйста. Ты вот сама и успокоиться не можешь.

«И поплакать тоже сама не могла», – подумала я, но вслух об этом Мирону ничего не сказала, конечно.

– Что там было дальше с аппендицитом на Рейнире? – напомнила я.

– Угадай. Вырезали, конечно. Кстати, и без вертолета это Степке стоило дохреналион денег.

Я надолго зависла, обдумывая историю Мирона. Выпив полчашки чая, я спросила:

– Почему он мне не сказал?

– Не хотел, чтобы ты переживала. Как всегда, – моментально ответил Мир. – Именно в тот день он заговорил о смерти. Сказал, что должен привести в порядок дела.

Я снова вспылила.

– Да что за бред? Какие дела? Он был здоров и не мог знать, что разобьется.

– Он предполагал всякое.

– Почему? – я повысила голос.

– Из-за мамы с папой. Они тоже не болели, Крис. Ты сама знаешь...

Мирон откусил бутерброд и меланхолично прожевал, проглотил.

Я знала, конечно, про их родителей. Как мог Степа попасть в аквапланирование, потеряв родителей в автокатастрофе? Он всегда так аккуратно водил. Не гонял.

Спешил к Наташе и детям – не иначе.

Эта мысль причинила боль, но одновременно отрезвила и вернула к главной теме беседы с Миром.

– У него уже были дети тогда? Ты знал? – накинулась я на Мира.

– Не знал. Говорил уже сто раз, – огрызнулся и он. – Я и про завещание не знал. Только про дарственную.

Новое слово обожгло слух.

– Дарственную? – переспросила я. – Какую дарственную?

– На половину галереи.

Мои руки затряслись, и чашка зазвенела о блюдце. Я не вылила на себя горячий чай, только потому что Мирон быстренько забрал у меня их. Говорить я не могла, но покрутила пальцем в воздухе. Мир понял мою просьбу продолжать и стал рассказывать подробнее.

– Буквально через месяц после аппендицита Степа попросил прилететь в Москву, чтобы оформить на меня половину галереи и картины.

Он достал телефон, открыл на нем файл, вручил мне. Буквы расплывались перед глазами. Я вроде бы читала знакомые слова, но они не складывались в понятные предложения.

– Какого хрена? – прошелестела я едва слышно. – Каким образом?

– Ты не знала, как я понимаю? – догадался Мирон.

У меня не было сил даже зыркнуть на него злобно. Я только головой качала, как идиотка.

– Ну я так и понял на оглашении. Ты вообще слушала нотариуса? Он говорил, что дарение произошло до оформления завещания. Оно в принципе носит рекомендательный характер. Все поделено давно.

– Все уже украдено до нас, – автоматически выдала я расхожую цитату. – Нотариус упоминал дарственную? Seriously?

– Да. Но ты уже была в астрале, как я понял.

– Видимо, да.

Я листнула документ до конца и отдала Мирону телефон. Он неодобрительно причмокнул.

– Ты не читала, Кристин.

– Я ни черта все равно не понимаю в таких документах. Да и не люблю, если честно. Разве мог Степа что-то подарить без моего согласия? Галерея, конечно, записана на него, но я его жена.

– О, наконец, ты начала шевелить мозгами. Конечно, он не мог ничего отписать без твоего разрешения.

Хотелось орать и метать посуду, но я продолжала оцепенело сидеть и тихо спрашивать:

– Тогда как..? Как тебе досталась моя галерея не через мой труп, Мирон?

– Ты подписывала какие-нибудь бумаги, не глядя?

Я прикрыла глаза рукой. Мирон быстро сделал выводы.

– Понятно. У него была твоя подпись. Или доверенность? Я не помню точно. У меня тоже острая аллергия на бумажки и юридический язык. Степа уверял, что все уладил. Я думал, вторая половина остается у тебя.

– А на деле оказалось, что такую же дарственную он оформил Наташе и детям. Потрясающе.

– Очень похоже на то.

Мирон взял чашку и запил очередной укус бутерброда. Как будто мы обсуждали не дело всей моей жизни, а какую-нибудь дурацкую вазу или диван.

Я окончательно вышла из себя. Взяла паузу, чтобы успокоиться, но наглый Мирон с чашечкой чая из моего любимого сервиза похерил медитацию.

– Мне жаль, Крис, – сказал он без капли сочувствия в голосе.

– В жопу свою жалость засунь. Вместе с доверенностями и дарственными. И проваливай из моего дома.

Я встала и указала пальцем на дверь, притопнула ногой.

– Хотя бы отсюда я могу выгнать и тебя, и ее. Спасибо Степану, мать его, Борисовичу за щедрость.

Мир аккуратно поставил чашку на столик, встал со мной рядом и надавил на рукоятку, чтобы я ее опустила.

– Вот на этом месте я и хочу сделать тебе предложение, Крис. Стоя и торжественно, раз уж ты вскочила как ошпаренная.

– Какое еще предложение? – продолжала я орать на него. – Руки и сердца? Свари из них суп. Сколько можно надо мной издеваться, Мирон?

– Я хочу помочь тебе, – проговорил Мир и взял меня за плечи.

– Мне не нужна твоя помощь. Я подам в суд и заберу себе галерею. Ты не имеешь права... И она – тоже. Степа обманул меня. Я докажу...

Я попыталась стряхнуть его руки, но он держал крепко.

– Давай, Крис, успокойся. Ты не дура. Сама должна понимать, что я охренел не меньше твоего. Ты хоть знала о его детях заранее.

– Так себе преимущество, – рассмеялась я. – Пожалуйста, Мир, уходи.

– Уйду. Но скажу тебе сначала, что собирался, – он встряхнул меня, чтобы обратить внимание. – Я отдам тебе свою долю галереи, Кристин.

Я замерла. Такого поворота от Мирона не ожидала.

Он усадил меня обратно на диван и продолжил. Разумеется, дарить просто так он ничего не собирался. Это его братец раздавал наше направо и налево.

– Я не хочу суда, – начал объяснять Мирон. – Тебе придется доказать, что мой брат был мошенником или сумасшедшим. Знаю, что именно так ты о нем сейчас и думаешь, но тебе самой процесс может выйти боком.

– Это каким же боком он мне выйдет?

– Наташа может подать встречный иск и отсудить часть дома. Если делить, так сказать, поровну, то это очень даже реально. У нее двое детей, а ты одна. Меня после завещания тоже не стоит вычитывать из дележки. Я молчу о нервозности и затратах. И нашей фамилии, которую смешают с грязью в прессе и обществе.

– Давно ли тебе не все равно на прессу и общество? – спросила я с усмешкой.

– С тех пор, как умер мой брат.

Я прикусила губу и не сказала больше ничего обидного.

– Теперь я единственный Бероев, на мне репутация семьи.

– Ты старший, а не единственный, Мир, – напомнила я ему. – У тебя есть племянники, как оказалось. Я тоже Бероева, между прочим. Хотя и не по крови. Но мы и не в Средневековье.

Он кивнул.

– Есть племянники. Я никак не привыкну к этой новости. Как бы тебе ни было это противно, Крис, но они действительно имеют право на наследство.

Я ужасно злилась на этот неоспоримый факт. Его было сложно оспорить с любой стороны. Даже мое оскорбленное достоинство знало, что дети ни в чем не виноваты.

– Это моя галерея, – процедила я сквозь зубы свой лучший аргумент.

– Знаю. Поэтому и предлагаю тебе свою долю в обмен...

– В обмен! Ну конечно. Кто бы сомневался.

– Да, в обмен, Крис, – продолжил Мирон. – Ты можешь сколько угодно жалеть себя, но я тут тоже пострадавшая сторона и хочу свою долю.

– Пострадавшая сторона, – я рассмеялась и захлопала в ладоши. – Что у тебя пострадало, Мирон? Он отдал галерею и картины тебе, а мне оставил дом. Всего лишь дом!

– Это не всего лишь дом, Кристина. Ты прекрасно об этом знаешь.

И тут до меня дошло. Я схватилась за голову.

– Ты хочешь и дом у меня забрать, Мир? Чтобы я совсем с голой жопой осталась? Этого добиваешься?

Мир надул щеки и выпустил воздух изо рта со свистом.

– Господи, Крис, я вроде по-русски говорю. Ты вроде умная, но сейчас совсем не соображаешь. Давай, включи мозг. По пунктам.

Мирон стал загибать пальцы.

– Во-первых, я ничего не хочу забрать. Во-вторых, я предлагаю вернуть тебе половину галереи.

Я действительно начала соображать и уточнила:

– Без картин? Доля галереи, но без картин?

– Без картин, – подтвердил Мир. – Ну а в-третьих, я не прошу отдать мне дом взамен.

Разреши пожить здесь и все.

– Пожить? – переспросила я.

– Да, пожить в родном доме, Кристина. Неужели это так странно звучит?

– Это звучит слишком нормально для такого уроды, как ты.

Мирон сжал зубы. Я увидела, как желваки заходили от напряжения по его лицу. Чертовски приятно видеть его злым. Вдвойне приятно, что именно я могу его разозлить.

– Я никуда отсюда не уеду, – заявила я.

– Дом большой для двоих. Мы можем жить здесь вдвоем и не встречаться неделями.

Забавно, что именно так мы и жили со Степой последние пару лет. Вряд ли Мирон будет незаметным и тихим, как его брат.

– Ладно, Мир. Не распыляйся зря. У меня нет никакого желания заключать с тобой сделку.

– Я не предлагаю сделку. Это будет одностороннее соглашение.

Он удивлял меня все больше. Забытое щекочущее ощущение интриги расцарапало мне горло. Я с трудом сдерживала легкую дрожь предвкушения.

Мирон подонок, конечно, но как же интересно, что он выкинет в очередной раз.

– Я отдам тебе галерею в обмен на обещание позволить мне жить здесь, – продолжал он.

– Зачем тебе это? – не выдержала я и добавила строго. – Не врать, Мир! Сказочка про отчий дом прелестна, но я не верю.

– Зря не веришь, – он пожал плечами. – Я действительно скучаю по дому, но больше по ощущениям.

– В каком смысле?

Он снова напряг скулы и опустил глаза. Ох, не врет мне Мирон. Но и правду говорить не хочет. Или ему тяжело. Он сжал кулаки, стряхнул руки, потер ладони друг о друга.

Его старый ритуал для нервных случаев.

Мир тряхнул головой и все же поднял на меня глаза.

– У меня все очень паршиво с творчеством, – признался он. – Как только я завязал с дерьмом, то и писать почти перестал. В голове какой-то звенящий вакуум. Вдохновение сдохло. От одной мысли о холсте мутит.

– Бедненький, – я снова не сдержала издевки. – Так, может быть, вернуть дурь?

– Не хочется, – прошипел Мир.

– Уверен?

– Тебе доставляет удовольствие продавливать мою силу воли?

Доставляло, если честно. Это было грязное и отвратительно удовольствие. Наверное, такое же мерзкое, как обшарпанная квартира, где мое сердце умерло. Я не стала отвечать на вопрос Мирона, но задала свой:

– Мне казалось, тебе нравится быть рок звездой от искусства. Секс, наркотики и прочий угар.

– Для здоровья вредно, – буркнул Мир. – Хочу вернуться назад. Когда мог писать без стимуляторов.

– Поэтому тебе нужен дом?

– Мне не нужен весь дом, Кристина, – поправил он. – Только студия. Она важна. Я начал здесь. Ты знаешь это лучше всех.

Я знала. Для меня его студия в подвале была важна не меньше. Я тоже начала именно там. Столько всего случилось в теплом подвале, который Мирон упрямо звал студией. Мое горло снова сжалось. Глаза защипало.

– Там нет никакой студии, Мирон, – поговорила я. – Степа сделал из нее погреб для вина. Мир усмехнулся.

– Вино мне не мешает. Соглашайся, Крис. Я буквально позволяю себя облапошить.

– И не боишься, что я вышвырну тебя, едва ты подпишешь бумаги?

– Нет, – ответил он смело улыбаясь. – Ты слишком честная для такого очевидного подлого хода.

Очень сильно я сомневалась, кто кого облапошит в итоге. Материальная выгода в предложении Мирона была колоссальная. Но кто мне даст гарантии, что в итоге я не заплачу namного больше нервами, слезами и новой болью.

– Я не знаю. Мне нужно подумать, – сказала я и встала снова. – А тебе нужно уйти сейчас.

Он не возражал и тоже поднялся, дошел до камина, остановился, рассматривая портрет.

– Мир, тебе пора, – напомнила я, потому что он как будто забыл уйти.

– Она моя, – сказал Мирон, указывая на картину.

Я вздрогнула.

– С какой стати?

– Прописано в завещании. Эта картина достаётся мне, не Наташе.

– Не пойти ли вам с Наташей в задницу? – завелась я в сотый раз за этот ужасный день.

– Не уверен, что это хорошая причина для торга, – Мирон безобразно мне подмигнул. – Ты зря психуешь. Портрет здорово сюда вписывается. Я готов договориться. Если ты, конечно, согласишься на мой переезд в студию.

Я не должна была вести переговоры с этим террористом, но из чистого любопытства спросила:

– И как мы договоримся о картине? Что ты хочешь?

– Глубокий минет и кончать в твой рот каждое утро.

Словно со стороны я видела, как моя рука взлетает вверх, и ладонь со всей силы бьет по лицу. Громкий хлопок и тихий стон Мира.

– Мать твою, Крис! Я пошутил.

Он заныл как маленький и потер щеку.

– Тогда я тоже пошутила, Мирон. Ты уйдёшь наконец, или мы будем играть в этот безумный КВН до утра?

– Спасибо. На сегодня хватит с меня находчивого веселья, – буркнул он. – Долго думать не советую. Я позвоню через пару дней.

Он вылетел пулей из дома. Я смотрела в окно, как он натягивает куртку на крыльце и поднимает воротник. Обычно я вызывала гостей такси, или сама отвозила в город. В пригороде не очень здорово с машинами. Но на Мирона мне было плевать. Взрослый мальчик. Сам доберется до отеля. Или где он там живет?

Я пошла наверх, чтобы принять горячий душ. Хотелось бы смыть с себя всю грязь прошлого и настоящего, но я не настолько наивна. Успокоиться и забыться сегодня не выйдет.

Можно было бы напиться и вырубиться, но меня слишком сильно пропитала Степина философия потребления вина. Я разучилась пить ради хмеля и забытья. Лучше и не пытаться.

На часах было совсем поздно. Я легла в кровать и смотрела в черный потолок несколько часов. Сначала пыталась не думать о Береевых, но быстро бросила. Если я запрещала себе вспоминать Степу, то мозг подкидывал картинки из прошлого с Миронem.

Бессмысленно отречься от них. Закрываясь и отрицая, я страдаю сильнее. Оказывается, боль приятнее оцепенения. Мирон вернулся и напомнил мне об этом.

Мои воспоминания менялись калейдоскопом. Я надеялась, что сон под утро хоть ненадолго даст передышку, перезагрузит мой разум.

Но и во сне я видела Мирона, Степу, их родителей. Тех, кого я так сильно любила.

Прошрое

– Какой красивый дом, Степан Борисович!

Я задрала голову и с восхищением смотрела на особняк в английском стиле.

– Мне тоже нравится, Кристина, – весело проговорил Бероев. – На фоне уродливых башен соседей мы тут выделяемся.

Пока я любовалась лаконичным строгим фасадом и безупречной лужайкой, он добавил.

– Зови меня по имени, пожалуйста. Я не твой препод. Сам недавно был студентом.

Я взглянула на него с опаской. Степан Борисович улыбнулся мне тепло, и все страхи улетучились. Не чувствовала я от него угрозы.

– Степа, – смешно представился он и протянул руку.

Засмеявшись, я пожала его ладонь и сказала:

– А я опять Кристина.

– Вот и отлично. Пойдем.

Степа легонько подтолкнул меня к крыльцу. Я снова занервничала.

Мне ужасно интересно было попасть в их дом, но и страшно одновременно. Я всего лишь девочка из Хабаровска, которая вырвалась в Москву и пытается хорошо учиться. Они – Бероевы. Отец Степана – известный архитектор. Мама – бывшая балерина. Сам Степан недавно вернулся из Италии, где изучал историю искусств. Он стал агентом своего брата Мирона.

А Мирон Бероев стал темой моей курсовой. Я увидела его работы и буквально влюбилась в дерзкие цвета и бесконечные поиски формы. Мой куратор, долгих лет ему жизни и безумных богатств, помог связаться со Степаном. Как круто быть ботаником и любимицей завкафедрой. Москва – город возможностей. Я сразу поняла, что знакомство со Степаном Бероевым – это тот самый шанс. Вопреки всем своим комплексам я не собиралась его упускать.

Спустя неделю переговоров я здесь, на крыльце дома Бероевых, и готова познакомиться с молодым гением.

Дверь нам открыла мама Степана и Мирона.

– Что же вы стоите у порога? – проговорила она.

Я думала, что Светлана Бероева будет холодной, злой, худой и неприветливой. Но на меня смотрела обычная женщина. Разве что одежда была небрежно шикарной. Широкие брюки и длинная восточная туника сидели на ней идеально. Ее спина была не менее идеальной, плечи расправленными.

– Кристине понравился дом, – ответил за меня Степан, снова подталкивая вперед.

– О, расскажи об этом Борису, доченька. Может, тогда он прекратит думать о реставрации и пристрое. Меня Света зовут.

– Кристина, – пискнула я.

Как и Степан, Светлана протянула руку, ласково обхватила мою ладонь и завела в холл.

В доме уютно пахло выпечкой, было очень тепло. Степан помог мне снять куртку, а Светлана сразу устроила экскурсию.

– Ты должна выпить чаю в гостиной, милая. Это лучшее место в доме. Степа, отведи девочку на диванчик. Я достану сервиз.

Степа кивнул матери и предложил мне локоть в лучших традициях рыцаря без страха и упрека. Я краснела и бледнела от смущения. Никогда еще не была в гостях у таких людей, в таком доме.

Я переживала о знакомстве с Мироном, но в комплекте получила еще и чаепитие с кореными москвичами.

– Я хотела только с Мироном поговорить, – сказала я тихонько по дороге в гостиную. – Это так неудобно.

– Сопротивляться бесполезно, – шепнул мне Степан в ответ. – Придется выпить чашку чая и попробовать пирог. Мама без него не допустит тебя к Миру. Это ритуал. Важный. Понимаешь?

– Не очень.

– В любом случае советую не сопротивляться. В этом доме все происходит исключительно через капустный пирог.

Я нервно хихикала и осматривала гостиную. Она была светлой, просторной, очень уютной. Огромное окно в пол – не самое английское решение, но наша система отопления допускала такое новаторство.

Степан отпустил мою руку, позволил пройти к окну. Я заметила в углу этюдник и свежий холст.

– Мирон? – уточнила я, обернувшись.

Степан покачал головой.

– Нет, это мое рабочее место.

– Ты тоже пишешь?

– Немного и для души. Без особой ценности для искусства. Мне нравится свет в гостиной. Я люблю видеть краски яркими, настоящими.

Я улыбнулась ему и сказала:

– Я тоже.

Светлана принесла чай и пирог. Мое скромное воспитание сработало вопреки наставлению Степана.

– Знаете, я совсем не голодна.

– Ох, брось меня обманывать, детка, – возмутилась Светлана. – Я эту мантру повторяла двадцать лет, пока танцевала. Мы все в балете были не голодны, иначе...

Она махнула рукой, и я вжала голову в плечи.

– Я тебя не заставляю есть первое, второе и компот. Пирог вообще диетический. Так что не сопротивляйся.

– Не сопротивляйся, – повторил Степа одними губами и кивнул на место рядом с ним.

– Кто тут сказал про пирог? – услышала я другой мужской голос, очень похожий на Степин, но громче.

Я вздрогнула, подумав, что это Мирон. Но в гостиную вошел Борис Бероев. Я видела его на фото в газетах и в новостной хронике. В жизни он был таким же: статный, высокий, очень приятный и радушный.

– Вот этот человек никогда меня не подведет, – радостно сказала Светлана.

Она подставила мужу щеку, и он поцеловал ее.

– Степка привез подружку? Очень симпатичная юная леди. Не слишком юная, сын? Мне нужно позвонить адвокату?

Борис, как и Светлана, протянул мне руку и пожал, накрыв мою ладошку второй рукой.

Мои уши горели. И сама я пылала как алый сигнал светофора.

– Она не моя девушка, – пришел на помощь Степан. – Это студентка Юрия Сергеевича. Она совершеннолетняя и пишет о новаторстве в живописи. Хотела познакомиться с Мироном и его творчеством.

– Ох, ну и дела, – Борис скривил лицо и неожиданно обнял меня. – Сочувствую, девочка. Ты храбрая. Глупенькая, но храбрая.

– Перестань, Боря. Ты совсем ее перепугал. Мирон – твой сын, а не исчадье ада. Он талантливый, а не сумасшедший.

– Знаю, Светик. Я шучу, конечно. Простите меня, милочка.

– Кристина, – подсказала я.

– Кристиночка, извини, – повторил Борис. – Я человек простой, приземленный. Мне бывает нелегко в этой творческой семейке.

Простого в нем не было ничего. Разве что фасад его дома. Но эта обманчивая простота стоила дороже башенок и выдавала тонкий вкус архитектора.

– Измучился, бедняга, – поддела его жена, передавая тарелочку с куском пирога. – Понимаете, в какой атмосфере я живу, Кристиночка? Мужчины! Юмористы! Еще и художники. Все трое.

Степа тоже взял себе пирог и сказал:

– Мы стараемся тебя беречь, ма.

– Ты мой золотой, – Света похлопала сына по щеке. – Очень мило, что говоришь за всех.

Да и стараешься за всех тоже.

– Я, что ли, не стараюсь? – обиделся Борис.

Я начала хихикать. Они очень забавно пререкались. Семейная перепалка, такая же теплая, как запах пирога и атмосфера в доме Беревых. У меня такого не было.

Нет, я росла в нормальных условиях. Меня любили, хоть и не баловали. Но мама с папой очень много работали. У них не хватало времени на чаепитие с домашним пирогом в обед среди рабочей недели. Если вечером не наорали от усталости и раздражения – уже хорошо.

– Ты стараешься, Боренька, но много работаешь, – сказала мужу Светлана.

– Зато Мир старается за всех вывести тебя из себя, – хмыкнул старший Берев. – Мы все ему обязаны.

– Брось, па, – вступился за брата Степа.

– И нечего бросать. Парень совсем себя угробит в этой пещере. Я не понимаю, почему ты ему потакаешь, Света.

– Не надо при девочке, Боря, – одернула его жена. – Ты ее смущаешь.

– Она все равно его увидит. Пусть готовится смущаться.

Я заерзала. Светлана заметила, что я нервничаю, и погладила меня по коленке.

– Не слушай его, Кристина. Борис требователен к сыновьям. Мы воспитаны по правилам, которые нельзя нарушать.

– А Мирон нарушает? – догадалась я.

Степа хохотнул.

– Скорее, он их игнорирует.

– А заодно гробит себя в подвале. Степке лучше как следует продать его гениальное искусство, чтобы хватило денег на новые глаза и спину, – Борис махнул рукой и сменил гнев на милость. – А не слушай меня, Кристина. Что-то я и правда включил старого ворчуна. Сам со спиной страдаю и не вижу ни черта вблизи. Мирошка чудак, конечно, но гениальный. Завидую ему. Мой папка игнорировал мои творческие потуги и направил талант в созидательное русло. Я поем в кабинете.

– Боря! – возмутилась Светлана.

Но он клюнул ее в щеку, забрал чашку и второй кусок пирога.

– Не ворчи, жена. Надо посмотреть фасады до вечера.

Светлана махнула на него рукой и отпустила.

– Вот так всегда, – проговорила она. – Я думала, что мы всей семьей посидим. Боря ушел, едва поел, а Мирон и вовсе не появился.

– Не обижайся на них, мама, – поддержал ее Степа.

– Я не обижаюсь. Но хотелось произвести впечатление на Кристину. Как будто мы большая нормальная семья.

– Вы отличная семья, – вмешалась я. – Мне очень приятно познакомиться и с вами, и с Борисом Сергеевичем. Я совсем не ожидала, что вы такие милые и радушные.

Светлана усмехнулась.

– А чего ты ждала? Что мы волки и сожрем тебя?

Я пожала плечами.

– Не знаю. У меня не было до сих пор таких знакомых. Я недавно в Москве.

– Провинциалка? Какая прелесть. Я тоже была такой сто лет назад. И никогда не стану вести себя в духе пафосной столичной стервы. Слишком хорошо запоминается московский снобизм.

За этими словами скрывалось, наверное, много историй из балетного прошлого Светланы. Я ужасно хотела сидеть с ней в этой прекрасной гостиной, пить чай и слушать до ночи. Но Степан очень вовремя напомнил о цели моего визита.

– Мама, ты совсем заболтала Кристину. Я провожу ее к Мирону.

– Проводи, конечно. А когда вернется, мы еще чайку попьем. Возможно, и поужинаем.

Светлана подмигнула мне. Не знаю, шутила она или серьезно настраивала меня на ужин. Я была готова на все.

Зато по пути к подвалу мне стало не себе. После слов Бориса о сыне я немного опасалась знакомиться с Мироном. Мне нравились его работы, но отшельничество в подвале пахло девиацией.

– Степа, а он не разозлится, что мы врываемся? – спросила я на лестнице

– Если разозлится, то будет это скрывать, – ответил Степан. – Я предупреждал его, не переживай. Папа утрирует многое. Мирон веселый парень на самом деле.

– Подвал делает его немного зловещим.

– Заскоки, – Степан пожал плечами. – У всех свои тараканы. Уверен, у тебя тоже есть.

У меня были, конечно. Но я не стала о них рассказывать, хотя Степа этого ждал.

Не получив от меня ответа, он принял молчание за окончание темы и толкнул дверь в подвал.

Я думала, это будет какая-то яма, типа землянки или погреба, как у бабушки в доме. Но подвал Беровых был под стать дому. Просторная комната, может, чуть меньше гостиной. Темное пространство освещали лампы с теплым светом. Посередине стоял мольберт со свежим холстом. Нижняя часть уже была расписана, но я не видела деталей издалека.

Краски, палитра, кисти, вода в бутылке разбросаны прямо на полу. Никаких стульев, табуретов, кресел.

Я просканировала помещение взглядом и нашла в углу кушетку, а на ней Мирона.

Его я тоже узнала по фото. Я нашла немного в сети и затерла до дыр. Теперь до дыр я терла глазами самого Мирона.

Он валялся на кушетке, свесив ногу, смотрел в одну точку.

– Мир, привет. Ты жив? – крикнул Степа.

Мирон и ухом не повел. Он продолжал глазеть в потолок, но соизволил ответить.

– Что со мной будет? Живой.

– Работа кипит? – посмеивался брат, подталкивая меня вперед. – Я принес тебе мамин пирог, и кое-кто хотел познакомиться. Помнишь?

– Помню. Летописец с искусствоведческого. Или журналистка?

– Я курсовую пишу, – пропищала я как мышка.

– Молодец какая.

Мирон наконец повернул голову в нашу сторону. Я ждала то же равнодушие в глазах, что и в голосе. Но он рассмотрел меня очень даже неравнодушным взглядом. Огонь его глаз заставил меня нервничать сильнее, чем визит в дом богачей и знакомство с его родителями.

В очередной раз я ждала какого-нибудь подвоха или гениального закидона. Но Мирон разочаровал меня в самом приятном смысле этого слова.

– Как зовут? – спросил он.

Я открыла рот, но забыла, как говорить, кашлянула, икнула и крякнула кое-как:

– К...тина.

– Тина? – переспросил Мир.

– Кристина, – подсказал вместо меня Степа.

– Мне нравится Тина, – упрямо повторил его брат.

Отдышавшись, я смогла проговорить более-менее внятно:

– Тина – это прикольно. Мне нравится. Хотя никто так меня не называл.

– Значит, я буду первым, – обрадовался Мир.

Он сел на кушетке, растрепал свои волосы и забрал у Степы тарелку с пирогом. Но при этом не сводил с меня глаз.

– Можешь присесть сюда? – спросил Мирон, указывая туда, где только что валялся сам.

Я кивнула и послушно опустилась. Мы оказались слишком близко. Я чувствовала тепло его тела и ощущала запах. По спине пробежали мурашки. Я с трудом сдерживала дрожь.

Мир вообще никак не реагировал на меня. Он откусил кусок и поставил тарелку на пол, а потом и сам стек с кушетки и встал передо мной на колени.

Окей, он все же реагировал.

– Мир, ты поговоришь с Кристиной? – спросил Степа и напомнил. – Ты обещал.

– Да-да, конечно, – быстро проговорил Мирон, рассматривая меня с пола. – Волосы у тебя безумные...

Свободной рукой он потянулся ко мне, и я отпрянула, немного перепугавшись.

– Можно? – спросил Мир. – Я немного хочу... поправить.

Я глянула на Степу и увидела, как он закатил глаза и посоветовал:

– Лучше не сопротивляйся.

Звучали эти слова весьма двусмысленно, но Степану я верила. Не могла представить, что кто-то из них обидит меня здесь. Хотя подвал был очень подходящим для насилия помещением.

– Можно, – сказала я тихо Мирону, окончательно заинтригованная.

Мирон тотчас выправил мои волосы из-за ушей и растрепал их. Я чуть не застонала, потому что приглаживала пушистые волны сто лет перед визитом сюда.

– Глаза потрясающие. С этими волосами... И брови... в разлет.

Мирон провел пальцами по моим бровям несколько раз медленно, чуть надавливая. Он как будто запоминал форму и продолжал при этом таращиться на меня в упор.

– Ты ее пугаешь, Мир, – предположил Степа из-за его плеча.

– Пугаю? – спросил Мирон, продолжая сверлить меня своими глазами.

Они были синими, яркими, даже в полумраке подвальной студии.

– Не пугаешь, – сказала я смело.

Страшно мне не было, но волнительно – да. А еще жарко. Я вся горела, глядя Мирону в глаза. Когда он касался меня – будто маленькие импульсы тока проникали под кожу и отправлялись гулять по телу.

– Тогда я оставлю вас, – понимающе предложил Степа.

Я кивнула, зачарованно глядя на Мира. Едва Степан ушел, Мирон отпустил меня и отошел к мольберту. Он снял с него холст, подвинул к дивану краски, кисти, палитру, сел прямо на пол и стал писать.

– Прости, что набросился, – говорил он, глядя то на меня, то на холст. – Но ты пришла, и меня осенило. Я только набросаю по цветам, чтобы не забыть. Три дня не мог понять, что нужно вверху. Откинься на спинку. Устала, наверное, прямо сидеть.

Я выдохнула и расслабила спину.

Мы сидели в тишине, обмениваясь взглядами. Вернее, я смотрела на Мирона постоянно, а он поглядывал на меня из-за холста время от времени. Это взаимодействие ощущалось так интимно. Я потеряла счет времени, только считала удары сердца между его взглядами.

Но в конце концов я все-таки вспомнила, зачем пришла.

– Мы можем поговорить? – спросила я аккуратно.

– Чи-чи-чи, – зашикал он на меня. – Чуть позже. Мне нужно минут пять. Может, десять. Конечно, я не спорила и не напоминала, когда пять минут превратились в два часа.

Он не извинялся за задержку, но позволил посмотреть результат.

– Ух, – только и смогла сказать, глядя на полотно.

– Что чувствуешь? – сразу вцепился Мирон, пытаюсь понять первое впечатление.

– Жутковато.

Внизу я видела огонь и руины. Дым служил переходом от земли к небу, которое было серым, как мои волосы. Облака завивались клубами мышиного пепла, а из туч проступали... глаза. Мои глаза?

– Это апокалипсис?

Мне ничего больше в голову не пришло.

Мирон усмехнулся очень довольным и сказал:

– Не исключено.

– А что хотел сказать автор? – спросила я не в силах прекратить заигрывать с гением.

– Возможно, это судьба.

Я не стала спрашивать: судьба человечества или человека? Все эти вопросы казались глупыми на фоне случившегося со мной сейчас соприкосновения. Или не только со мной? С нами?

– Ты пришла ко мне, – сказал Мирон. – Хотела поговорить?

Я встрепенулась и с трудом сбросила с разума оцепенение.

– Да. Я пишу о развитии изобразительного искусства. Искала ярких, молодых авторов.

– Что ж... у тебя хороший вкус.

– А у тебя гигантское самомнение.

Мирон усмехнулся.

– Спасибо. Ты видела мои работы?

– Разумеется.

– Ты в восторге?

– Не всегда.

– Погорячился со вкусом. Ладно. Какие лучше всех? – продолжал он допрос.

– Не скажу.

– Ну пожалуйста, – добавил Мирон, сверкая своими синими глазами.

Я рассмеялась и очень нагло предложила:

– Скажу, если подаришь мне эту.

Я кивнула на свежую работу.

Теперь расхохотался Мирон.

– Какая ты наглая! Во-первых, она не закончена.

– А во-вторых?

– Во-вторых – нет.

– Тогда убери мои глаза оттуда. Я запрещаю их использовать.

– Можно подумать я выковырял их из твоей головы. Не пори чушь, Тина.

Мое имя из его уст звучало так чувственно.

– Ты хотела задать мне вопросы, – напомнил Мирон. – Давай. Я весь твой.

Он завалился на кушетку и проглотил враз остатки пирога.

У меня все мысли разбежались. Я готовилась к этому разговору, но после внезапного позирования и флирта с объектом моего исследования напрочь забыла цели и задачи самого исследования.

Вместо этого я спросила:

– Здесь есть туалет, или ты писаешь в бутылку?

Мирон скорчился в приступе хохота.

– Это все, что тебя интересует? – спросил он, успокоившись.

– Нет. Много всего. Но мои заметки в телефоне, а он остался в рюкзаке в гостинной.

– Что ж... – Мирон встал и стряхнул с себя крошки, взял тарелку. – Тогда придется вернуться и продолжить наверху.

– Значит, ты все-таки выходишь к людям? Не прячешься здесь, как вампир в гробу, постоянно?

– Я выхожу, Тина, – проговорил Мирон. – В студии нет туалета, а писать в бутылку весело только в машине. Пойдем. Обрадуем предков моим появлением.

Глава 6. Прием

– Понятия не имею, что делать, – говорила я по громкой связи с Катей, одновременно примеряя платье.

– А что Сережа тебе сказал? Он возьмётся?

Я вздохнула. Разговор с Сергеем мне не понравился. Я не стала сразу звонить Кате, потому что ее друг-юрист был неприятно солидарен с Мироном. Мне были не по вкусу перспективы, но пришлось открыть карты.

– Он возьмётся, но придется доказывать, что Степа мошенник или что он был не в себе. Мне не нравятся оба варианта.

– Да, паршивая стратегия. Понимаю тебя, – подтвердила Катя.

– К тому же я не уверена, что Наташа не подаст встречный иск, чтобы распилить дом или отменить некоторые решения Степы по галерее. Он столько всего подписывал. Как быть с этими договорами, если я подчеркиваю его недееспособность или обвиняю в мошенничестве? Все так сложно, Кать.

– Очень сложно. Сочувствую тебе, Крис. Мало что Стёпку похоронила, теперь еще это все на тебя свалилось.

– Мгм, – промычала я, вылезая из очередного неудобного платья. – Ты бы знала, как хочется все бросить. И пусть сама Наташа с Мироном разбирается. Но мне нужно продолжать дела в галерее. Не могу игнорировать текучку.

– А что Мирон? – зацепилась Катя. – Вы не общались после кладбища.

Я вздохнула еще раз. Подруга задавала очень неудобные вопросы. Я не рассказывала, что мы поехали домой после кладбища. Не упоминала и о предложении Мира. Но и врать мне Кате не хотелось. Может, стоило посоветоваться с ней? Я ведь до сих пор ничего не решила.

Я попыталась начать издалека.

– На кладбище мне стало нехорошо, и Мир отвез меня домой.

– Господи. Что случилось?

– Нервный срыв.

– Милая, что же ты не позвонила. Я бы...

– Ничего особенного, Кать, – успокоила я ее. – Это мое нормальное состояние рядом с Мироном. Но еще сильнее раздражает проклятое платье.

– Какое платье? – удивилась Катя.

– Для благотворительного приема. Вечернее. Мне сегодня нужно блистать и лицемерить. А, еще речь толкать придется.

Она засмеялась:

– Твое любимое занятие.

– Стерва, – ругнулась я беззлобно.

Катя прекрасно знала, что я ненавижу публичные появления, тем более – выступления. У Степы намного лучше получалось участие в светских вечеринках и красивые бездушные речи на публику.

– Ты одна идешь? Первый раз? – поняла Катя.

– Да, первый раз без Степы. Там будет несколько лотов молодых дарований от живописи. Я заодно посмотрю на них.

– Одна? – повторила Катя. – Почему меня не позвала?

– Я устала быть слабой, дорогая. Надо продолжать жить.

– Две недели прошло, Кристин. Ты в трауре. Почему они позвали тебя вообще?

– Они позвали давным-давно. Я подтвердила специально. Меня не надо списывать со счетов.

– Милая, ты имеешь право быть слабой и грустной.

– Расскажи это Наташе, которая только и ждёт, чтобы пнуть меня побольнее и загрести еще что-нибудь, – огрызнулась я. – К тому же, Кать, это сбор средств для детей с онкологией. Я не могу забыть на такое событие.

– Тебе всегда там тяжело. Добьешь себя, Крис, – не унималась Катя.

– Нет. Ради такого и нужно продолжать жить. Степа точно не пропустил бы.

– Эх, ты умница.

– Все еще хочешь со мной? – запоздало предложила я по большей части ради приличия. Сегодня мне ни с кем не хотелось делить «праздник-обязанность».

Катя отказалась, слава богу.

– У меня поздняя встреча. Не смогу, Крис. Прости. Если бы заранее сказала...

– Все нормально. Я справлюсь, – пообещала я ей, чувствуя легкие угрызения совести за все, что я не договорила.

– Удачи, – пожелала мне Катя и отключилась.

Я пыталась сказать ей о предложении Мирона, но язык не поворачивался. Не хотелось обсуждать это, хотя раньше я делилась с Катей всем.

Очередная грязная тайна, связанная с Миром. Как будто мало мне было грязи с ним.

Зато Катин приятель Сергей, с которым я встретила накануне, очень позитивно отнесся к идее Мирона.

Сережа не обнадежил меня по части суда. У него было несколько таких процессов. Мои шансы вернуть галерею стремились к нулю по его версии. Если Мирон вступит в наследство и отдаст мне свою часть – я должна радоваться.

Радости я не испытывала. Сергею я тоже не рассказала подробностей о предложении Мирона жить со мной в доме. Мне казалось, что каждый сразу начнет меня убеждать позволить ему.

Хотя только я в полной мере знала, насколько важен Мирону дом и студия в подвале.

Между нами было всякое, но сейчас я стояла между мастером и вдохновением. Меня ранило, что он не пишет, не в состоянии писать. Это преступление какое-то – просто жить, как обычный человек. Имеет ли гений право на банальное существование?

Имею ли я право отказать ему в попытках вернуть себя в искусство?

Я задавала себе этот вопрос уже миллион раз. У меня был ответ, но я тянула. Знала, что потом начнется ад.

Выбрав платье, которое надевала на прием в Лондоне, я спустилась вниз. Цвета графит, простое, в пол, закрытое, но с эффектной драпировкой на груди.

Машина ждала меня у дома. Водитель молча вел авто в центр. Я смотрела в окна и представляла, как буду звонить Мирону. Вряд ли стоит подбирать слова. Он наговорит сам с три короба.

Мне стоило подумать о приеме и подготовиться к речи. Я достала телефон и пробежала глазами бездушный текст.

Разозлилась. У Степы действительно всегда получалось лучше. Он умел быть очень человечным и убедительным.

– Приехали, Кристина Дмитриевна, – сказал мне водитель.

– Спасибо. Я позвоню, когда закончим.

– Конечно.

Водитель вышел и открыл мне дверь, подал руку. Я поблагодарила его улыбкой.

Передо мной мигал огнями один из лучших отелей города.

Войти внутрь – уже победа. Но мои ноги вросли в землю. Я с трудом сделала первый шаг.

– Позволь составить тебе компанию, – проговорил Мирон, пугая меня до чертиков.

Я вздрогнула. Он словно из-под земли вырос.

– Какого черта, Мир? – зарычала я, не поднимая на него глаз.

Я мазнула взглядом по черной ткани пиджака и белоснежному манжету рубашки. Нарядился, скотина.

– Ты не звонила, и я решил сам тебя найти.

– Ты мог найти меня по телефону.

– Мог, но это не так весело. Бесценно наброситься из-за угла и наблюдать, как ты старательно не смотришь на меня.

– Я бы очень хотела сбежать, но каблуки не позволяют, – цедила я сквозь зубы.

– Уверен, ты все еще ненавидишь светские сборища сильнее, чем меня.

– Не уверена.

– Брось, Крис. Я уже здесь. Нам лучше держаться вместе.

– Не уверена, – повторила я. – Ты меня компрометируешь.

Она засмеялся.

– Компрометирую? Какое ржачное слово. Но знаешь у тебя настолько безупречная репутация, что я просто обязан немного заляпать грязью твое белое пальто.

– Мирон, пожалуйста... – простонала я, – хватит.

– Если мы будем держаться отдельно, то как раз вызовем сплетни, – резонно сообщил он.

От логичных размышлений Мирона меня начало подташнивать. Давно ли он стал умным и серьезным? Степка в него вселился, что ли? Прости, господи.

Мы поднялись по лестнице на крыльцо. Швейцар уже вовсю улыбался, чтобы открыть нам дверь. Я остановилась, не дойдя пару шагов и... увидела Мира в смокинге во весь рост. Никогда не видела его даже в костюме, а тут...

Очень сложно было не застонать и отвести глаза. Безупречный черно-белый сыут сидел на нем идеально. Растрепанная шевелюра и саркастическая усмешка придавали образу бесценную небрежность.

– Тебя действительно пригласили? – дошло до меня.

– Пригласили, – подтвердил Мир. – Как только я вернулся в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.